

Муханова Мария Сергеевна

**Из записок Марии Сергеевны
Мухановой, фрейлины
высочайшего двора**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М26

М26 **Мария Сергеевна М.**
Из записок Марии Сергеевны Мухановой, фрейлины высочайшего двора /
Муханова Мария Сергеевна – М.: Книга по Требованию, 2026. – 84 с.

ISBN 978-5-519-98265-8

ISBN 978-5-519-98265-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I, уважая въ немъ любимца своего мужа, не хотѣла его отпустить. У Ипата былъ одинъ сынъ Илья—отъ Шаховской, котораго онъ, минуя всѣхъ родственниковъ, поручилъ, умирая, своему слугѣ, который вѣрно исполнилъ завѣтъ своего господина: отвезъ молодаго своего барина въ кадетскій корпусъ, тогда только-что устроенный; всякую субботу бралъ его домой, ходилъ съ нимъ въ баню, а въ воскресенье привозилъ къ роднымъ на цѣлый день. О службѣ этого дѣда мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній, но видимъ его сопровождающимъ императрицу Екатерину. По объѣту своему, онъ построилъ церковь въ селѣ Успенскомъ, которая донинѣ сохраняется въ большомъ порядкѣ. У него было семь сыновей: Алексѣй, Иванъ, Дмитрій, Николай, Сергѣй, Александръ и Михаилъ и одна дочь Марія въ замужствѣ за Колычевымъ.

Воспитаніе шести старшихъ сыновей было домашнее, и только младшій Михаилъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Образованіе заключалось въ русской грамотѣ, ариѳметикѣ и геометріи. Старшіе два, Алексѣй и Иванъ Ильичи, говорили кое-какъ по-французски. Но честность, благочестіе и любовь, взаимно связывавшая братьевъ между собою и съ отцомъ, были какъ бы исключительнымъ достояніемъ этого семейства. Между тѣмъ, несмотря на недостаточное образованіе, двое изъ нихъ были замѣчательными людьми. Изъ моихъ рассказовъ уже довольно извѣстенъ характеръ и

складъ ума моего отца. Старшій десятию годами братъ его, Алексѣй Ильичъ, былъ отличнымъ сенаторомъ, — такимъ твердымъ и энергическимъ, что небогатые люди, имѣвшіе въ его департаментѣ дѣла, не трудились пріѣзжать въ Москву для ходатайства, зная, что правда въ рукахъ Алексѣя Ильича не нуждается въ другомъ разъясненіи, кромѣ его прозорливаго ума и непоколебимой твердости; такъ мы слышали по дорогѣ въ нашѣмъ путешествіи. Служба его началась въ конной гвардіи, потомъ онъ служилъ на Кавказѣ, гдѣ съ честію командовалъ полкомъ и взялъ городъ Анапу, при чемъ первый возшелъ на укрѣпленіе. Послѣ мой старшій дядя былъ вызванъ императрицею Екатериною II и назначенъ обер-прокуроромъ перваго департамента Сената; эта должность въ то время была очень важная, потому что въ этотъ департаментъ стекались всѣ важныя дѣла, какъ теперь въ Государственномъ Совѣтѣ. Здѣсь, однажды, увидавъ на столѣ указъ о налогѣ на соль, онъ взялъ его и преспокойно положилъ себѣ въ карманъ, къ ужасу прочихъ сенаторовъ. По окончаніи присутствія онъ поѣхалъ во дворецъ и просилъ тогдашняго любимца Государыни, графа Платона Александровича Зубова, доложить Государынѣ, что этотъ указъ можетъ быть пагубенъ какъ для благоденствія народа, такъ и для славы Императрицы, что народъ можетъ сказать: видно ужъ матушка наша очень обѣднѣла, что начала торговать солью. Им-

ператрица такъ была этимъ довольна, что при первомъ куртагѣ, подозвавъ Алексѣя Ильича къ своему столу и вставши съ своего мѣста, низко кланяясь, благодарила его за то, что онъ спасъ ея славу. По кончинѣ Императрицы, дядя мой былъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ былъ его украшеніемъ долгое время и гдѣ авторитетъ его никогда не оспаривался.

По восшествіи на престолъ Николая Павловича, онъ, уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, просился въ отставку, но Государь просилъ его не оставлять службы, говоря, что совѣтъ его можетъ быть полезенъ, даже если онъ не можетъ лично присутствовать въ Сенатѣ. Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ показывалъ къ нему особенное почтеніе и хвалился тѣмъ, что былъ его ученикомъ. Кромѣ того, дядя былъ еще почетнымъ опекуномъ и имѣлъ въ особенномъ своемъ завѣдываніи прежде институтъ, а потомъ Маріинскую больницу. Онъ также, какъ и мой отецъ, не любилъ хвалиться накопленіемъ экономическихъ денегъ, но прежде всего думалъ о снабженіи больницы всѣмъ нужнымъ. Время его управленія больницею осталось въ памяти служащихъ, какъ самое цвѣтущее.

Изъ другихъ дядей, Иванъ Ильичъ дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управляя въ Москвѣ Коммерческимъ Банкомъ. Александръ Ильичъ былъ губернаторомъ сперва въ Казани, а потомъ въ Рязани, и кончилъ свою карьеру

еру шталмейстеромъ въ Москвѣ. Вездѣ, безъ сомнѣнія, поступалъ честно и похвально, хотя не имѣлъ тѣхъ блестящихъ качествъ, которыми обладали ярко выдавшіяся изъ семейства лица. Дядя Михаилъ Ильичъ умеръ въ довольно молодыхъ лѣтахъ и къ службѣ былъ мало способенъ по лѣнивому своему характеру. Дмитрій Ильичъ совсѣмъ не служилъ по болѣзни, а Николай Ильичъ, дослужившись къ конной гвардіи до чина бригадира, вышелъ въ отставку. Сестра ихъ Марія Ильинишна, старшая изъ всего семейства, вышла въ довольно зрѣлыхъ лѣтахъ за Колычева. Союзъ этотъ не былъ счастливъ и не благословленъ дѣтьми. Она имѣла нравъ строптивый и безпокойный, а онъ страдалъ по временамъ припадками сильной меланхоліи. Мать, ее любившая какъ единственную дочь, требовала настоятельно, чтобы отецъ далъ ей часть имѣнія болѣе нежели другимъ, а этого онъ не хотѣлъ сдѣлать по справедливости. Сыновья, видя, что этимъ нарушается семейный міръ, просили отца исполнить желаніе матери. Тогда отецъ, поблагодаривъ ихъ, сказалъ: „такое несправедливое достояніе не пойдетъ въ прокъ и все же вамъ возвратится“. Такъ и случилось. Такъ какъ отецъ мой былъ единственнымъ родственникомъ, могущимъ покровительствовать своимъ, то племянники обыкновенно жили подъ его кровлею. Сначала два сына Ивана Ильича, потомъ сынъ Николая Ильича, потомъ два сына Алексѣя Ильича—каждый оставался по

два года подъ покровительствомъ дяди и тетки до той поры, пока, привыкнувъ къ жизни, онъ могъ дѣйствовать самостоятельно. Первые были Алексѣй Ивановичъ и братъ его Павелъ. Алексѣй былъ красивъ собой и довольно хорошо учился, но былъ простъ умомъ, хотя не до такой степени, какъ представила его Марія Аполлоновна Волкова въ своемъ письмѣ, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ“. Онъ былъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, пожалованъ камеръ-юнкеромъ, что давало тогда чинъ статскаго совѣтника. Великія Княжны часто вызывали его на танцы съ собою; но, по его неловкому уму, скоро перестали быть къ нему благосклонными. Онъ женился на княжнѣ Мещерской и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; ему не было еще 23 лѣтъ. Павелъ Ивановичъ былъ другаго характера. Онъ не хотѣлъ пользоваться случаемъ, который представляло батюшкино положеніе, и хотѣлъ самъ проложить себѣ дорогу. Вступивъ въ егерскій гвардейскій полкъ, жилъ въ казармахъ съ солдатами и довольствовался ихъ пищею. Чрезъ 6 мѣсяцевъ онъ былъ произведенъ въ офицеры за отличіе. Однажды онъ нашелъ на столѣ моего отца пригласительный билетъ въ Эрмитажъ, взялъ его, соблазнился подкаблить имя и вставить свое. Батюшка, провѣдавъ объ этомъ, сказалъ ему: „я не зналъ, что ты способенъ дѣлать фальшивыя бумаги“. Это такъ оскорбило его, что нѣсколько времени онъ избѣгалъ встрѣчи съ отцомъ и сухо отвѣчалъ на его разговоры. Вообще

въ немъ была сила характера, за что батюшка его любилъ. Въ послѣдствіи этотъ характеръ показывался въ разныхъ случаяхъ, но особенно при его ранней кончинѣ. Когда онъ узналъ о смерти своей матери, которую нѣжно любилъ, то имѣлъ столько силъ, что, не показывая своей горести, ходилъ за больнымъ моимъ отцомъ. Когда началась война 1812 года, батюшка, бывши друженъ съ Багратиономъ, просилъ его взять племянника Павла Муханова къ себѣ въ ординарцы. Только-что Французы перешли Нѣманъ, при первой перестрѣлкѣ Павелъ Мухановъ началъ проситься участвовать въ ней. Багратионъ не хотѣлъ отпускать его, говоря, что онъ безъ пользы и чести можетъ пропасть въ этомъ первомъ неважномъ дѣлѣ и что доставить ему случай отличиться. Перестрѣлка кончилась благополучно; но когда онъ возвращался съ товарищами и разговаривалъ по-французски, казакъ принялъ его будто за француза и пронзилъ его между плечъ пикою, такъ что она прошла насквозь. Принять его за француза онъ не могъ, потому что онъ возвращался съ товарищами; а еслибъ онъ былъ плѣнный французъ, то все-таки казакъ долженъ былъ удержаться отъ такого поступка. Другіе думали, что такъ какъ на Мухановѣ была серебряная лядунка, то казакъ закололъ его съ тѣмъ, чтобъ ограбить, но и это трудно было сдѣлать. Какъ бы то ни было, рана оказалась смертельною. Ему сказали, что пока ника еще не вынута, онъ можетъ еще жить. Первымъ дѣломъ его

было послѣ того позвать священника, исповѣдаться и приобщиться святыхъ тайнъ, потомъ написать къ женѣ письмо, въ которомъ давалъ ей совѣты насчетъ воспитанія ихъ дочери, которой тогда уже не было на свѣтѣ. Кончивъ всѣ свои дѣла, онъ велѣлъ вынуть пику и скоро кончилъ жизнь на рукахъ у брата своей жены. Послѣдній послѣ говорилъ, что еслибъ онъ не былъ вѣрующимъ христіаниномъ, то сдѣлался бы таковымъ, видя такую прекрасную кончину. Ему былъ 21 годъ, а женатъ былъ уже второй годъ. Платовъ приходилъ къ нему и спрашивалъ его, не можетъ ли онъ указать на казака, пронзившаго его, но онъ отвѣчалъ, что не замѣтилъ чертъ его лица. Шурину же сказалъ, что изъ тысячи онъ могъ бы указать на него. Впрочемъ убійца не избѣгъ своей участи. Платовъ узналъ о немъ и велѣлъ его засѣчь нагайками до смерти. Жена Павла еще и до сихъ поръ жива; она урожденная Олсуфьева. Олсуфьевы, ея братья, воспитывались въ домѣ моей тетки почтеннѣйшимъ французскимъ аббатомъ. Кстати — нѣсколько словъ объ этомъ аббатѣ. Я была съ нимъ очень дружна; это—загадочное лице и настоящаго его имени никто не зналъ; его звали „L'abbé Limousin“—вѣроятно по мѣсту его рожденія. Онъ рассказывалъ, что спасся почти раздѣтый на англійскомъ суднѣ, гдѣ украдкой отъ всѣхъ помѣстился такъ, что его позднѣе нашли внизу на самомъ днѣ судна. Приѣхавши въ Англію, онъ не хотѣлъ поль-

зоваться милостыней англійскаго правительства, но давалъ французскіе уроки. Въ Англіи онъ выучился англійскому языку, такъ что могъ читать на немъ, и его образованіе, очень глубокое, сдѣлалось менѣе одностороннимъ. Въ Лондонѣ онъ получилъ письмо отъ моей тетки, которымъ онъ былъ такъ тронутъ, что хотя уже отказался ѣхать въ Россію, но не могъ отказать материнской просьбѣ. Вотъ нѣкоторыя черты, по которымъ можно догадываться, что онъ былъ высокаго рода. Первое то, что онъ рассказывалъ о сѣздѣ, на которомъ духовенство отказывалось отъ своихъ правъ и преимуществъ,—говорилъ, что онъ сидѣлъ подлѣ Лафаета и уговаривалъ духовенство отказаться отъ того, что и такъ будетъ отнято рано или поздно. Потомъ Наполеонъ, когда возстановилъ церковь и сталъ отыскивать прежнихъ духовныхъ лицъ, предложилъ ему архіерейство, отъ котораго онъ отказался. Еще мнѣ кажется по всѣмъ даннымъ, что онъ былъ изъ числа священниковъ, присягнувшихъ революціонному правительству, что мнѣ не кажется вовсе преступнымъ, потому что такимъ образомъ онъ могъ помогать въ религіозномъ отношеніи своимъ согражданамъ. Онъ кончилъ жизнь въ домѣ дѣтей моего дяди Ивана Ильича, гдѣ жилъ слишкомъ тридцать лѣтъ, въ первую холеру и погребенъ въ общей могилѣ, такъ что и мѣсто погребенія его сдѣлалось также неизвѣстнымъ, какъ и онъ самъ. Я навѣщала его часто и была съ нимъ въ перепискѣ.

скѣ. Онѣ всегда бесѣдовалъ о предметахъ словесности и я много обязана ему своимъ образованіемъ. Онѣ любилъ меня какъ дочь и утѣшалъ въ моихъ внутреннихъ скорбяхъ, то-есть духовныхъ.

Мать моя, Варвара Дмитріевна Муханова, происходитъ изъ рода Тургеневыхъ. Родоначальникъ Тургеневыхъ, татарскій ханъ Турга, выѣхалъ изъ Золотой Орды при великомъ князѣ Василичѣ Темномъ, принявъ крещеніе, при которомъ восприемникомъ былъ самъ Великій Князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчинами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышльскаго уѣзда принадлежала ему. Одинъ изъ Тургеневыхъ, жившій при Дмитріи Самозванцѣ, обличилъ его, сказавъ лже-царю: „ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю“. За это голова его пала на плахѣ, и онѣ ублажается церковью, какъ св. мученикѣ. Другой, подобно ему, за смѣлое обличительное слово, погибъ отъ руки Пугачева. Вообще, Тургеневы отличались честностью и неустрашимостью. Прадѣдъ Ивана Сергѣевича, нашего извѣстнаго писателя и мой дѣдъ, т. е. деверь моей бабушки, Алексѣй Романовичъ Тургеневъ, служилъ въ пажлахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности, Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда про-

тивъ Турокъ, съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуждали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ.

Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество, и доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога предъ образомъ святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась предъ этимъ образомъ; внезапно открывается дверь и входитъ давноожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая. Церковь эта находилась уже послѣ не въ нашемъ имѣніи, такъ какъ огромное состояніе Тургеневыхъ было отчасти раздѣлено между родственниками, отчасти продано въ чужія руки. При этомъ деревянная церковь была, за ветхостію, упразднена, а образъ св. Николая отданъ въ нашу теперешнюю каменную церковь, которая построена по плану Растрелли, съ великолѣпнымъ иконостасомъ, совершенно подобнымъ тому, который находится въ Кіевѣ, въ церкви ап. Андрея Первозваннаго.

Другой Тургеневъ, вѣроятно дядя того, о кото-